

ДИАНА ЧЕМБЕРЛЕН КРОВНЫЕ УЗЫ, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ ОШИБКИ

Лорел

Они забрали моего ребенка, когда ему было всего десять часов от роду. Джейми назвал его Эндрю в честь своего отца. Мы произносили это имя вслух с разными интонациями, чтобы понять, как оно звучит. Эндрю. Энди. Но его так внезапно у меня забрали. Я не успела даже запомнить цвет его волос и глаз. Какая мать забывает такие вещи?

Я боролась за то, чтобы вернуть его, как тонущий борется за глоток воздуха.

Целый год прошел, пока я снова смогла прижать его к груди. Наконец-то я вздохнула спокойно и поклялась себе, что никогда, ни при каких обстоятельствах больше не расстанусь с ним.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Энди

Войдя в церковь, я снова увидел ту красивую девочку. Я заметил ее еще раньше, в молодежном центре. Тогда она улыбнулась мне и сказала: «Привет». С тех пор я разыскивал ее.

Длинные церковные скамейки убрали в сторону, чтобы дети могли танцевать. Красивая девочка кружилась в танце с моим другом Китом, лучшим танцором в округе. Я смотрел на нее во все глаза, даже когда ко мне подошла моя подруга Эмили, как будто в церкви никого больше не было. Эмили спросила:

– Где ты был? Ты ведь на локине¹. Это значит, что ты должен оставаться здесь всю ночь.

Ее брови стали похожи на две выпуклые галочки. Это означало, что она не в себе.

Я указал на красивую девочку.

– Кто такая?

– А я откуда знаю? – Эмили поправила очки на курносом носу. – Я тут вообще ни единой души не знаю.

На девочке была короткая юбка, длинные ноги легко летали над полом, когда она танцевала. Белокурые волосы были заплетены в такие клеевые афроамериканские косички, никак не могу запомнить, как он называются. Короче, много-много длинных штук по всей голове.

Я прошел мимо группы ребят, игравших на полу в карты, и направился прямо к той девочке. Остановился в четырех футах от нее – достаточное расстояние для вежливого человека, как говорит мама. Я всегда подхожу к людям слишком близко, вызывая у них неловкость. Им нужно личное пространство, говорит мама. Но, даже стоя на таком расстоянии, я видел ее длинные ресницы. Они были похожи на перышки птенца. Однажды я видел птенца очень близко. Он выпал из гнезда в нашем дворе, и Мэгги забралась на лестницу, чтобы положить его обратно. Мне ужасно захотелось протянуть руку и дотронуться до вздрагивающих ресниц девочки, но я понимал, что это не самая удачная мысль.

Внезапно Кит остановился. Он смотрел прямо на меня.

– Что тебе надо, богатенький парнишка? – спросил он.

Я смотрел на девочку. Ее глаза под пушистыми ресницами были голубыми. В мозгу родились слова, которые переместились к губам так быстро, что я не смог их остановить.

¹ Локин – демонстрация протеста, участники которой запираются в здании.

– Ты мне нравишься, – сказал я.

Ее глаза широко открылись, губы тоже, так что получилось розовое О. Она рассмеялась. Я тоже. Иногда люди смеются *надо* мной, иногда *со* мной, и я надеялся, что это был второй случай.

Девочка молчала, но Кит подбоченился и снова раскрыл рот:

– Иди, поищи кого-нибудь другого для своих привязанностей, богатенький парнишка.

Интересно, с чего это он все время называет меня богатеньким парнишкой, хотя прекрасно знает мое имя?

Я покачал головой.

– Но мне нравится *она*.

Кит встал между мной и девочкой. Он был так близко от меня, что я почувствовал неловкость, о которой говорила мама. Мне пришлось смотреть на него снизу вверх, от чего закружилась голова.

– Ты разве не знаешь, что такое личное пространство? – спросил я.

– Послушай, – сказал он, – ей шестнадцать. А тебе – жалкие четырнадцать.

– Пятнадцать, – сказал я, – просто я молодо выгляжу.

– Тогда почему ты ведешь себя, как четырнадцатилетний? – И он захохотал.

Его зубы были похожи на большие белые куски жвачки, которую любит Мэгги. А я ее ненавижу, потому что от нее саднит язык.

– Оставь его в покое, – сказала красивая девочка. – Просто не обращай на него, и он уйдет.

– Тебя не выводит из себя то, как он на тебя смотрит? – спросил ее Кит.

Девочка протянула руку, чтобы отодвинуть Кита в сторону. Потом взглянула на меня.

– Милый, ты бы лучше шел отсюда, – сказала она. – Целее будешь.

А что со мной могло произойти? Я стоял в безопасном месте, ничего такого не делал, альпинизмом не занимался, хотя очень хотел, но мама запретила.

– Как тебя зовут? – спросил я девочку.

– Убирайся в свой гребаный дом на воде, – сказал Кит.

– Если я скажу тебе свое имя, ты уйдешь? – спросила девочка.

– О-кей, – сказал я. Мне нравилось, что мы с ней заключаем сделку.

– Меня зовут Лейла, – сказала она.

Лейла. Новое имя. Красивое, как она.

– Неплохо, – сказал я. – А меня зовут Энди.

– Приятно познакомиться, Энди. Ну вот, теперь ты знаешь мое имя и можешь уходить.

Я кивнул, поскольку должен был соблюсти свою часть сделки.

– До свидания, – сказал я и повернулся, чтобы уйти.

– *Законченный дебил*. – Кит проговорил это совсем тихо, но у меня был очень хороший слух, и эти слова завели мой стартовый механизм.

Я повернулся к Киту и ударил его. Сначала в живот, потом в подбородок. Он тоже, кажется, меня ударил, судя по синякам и кровоподтекам, обнаружившимся позже, но тогда я ничего не почувствовал. Я атаковал его, держа голову низко, как бык, забыв о том, что я только пяти футов ростом, а он намного выше. Когда я завожусь, то становлюсь офигенно сильным. Вокруг поднялись шум, вопли и все такое, но весь этот галдеж лишь глухо отдавался в голове. Я не слышал слов, которые выкрикивали. Только бзззззззз – гудение, становившееся громче, чем больше я наносил ударов.

Я бил и бил, пока кто-то сзади не схватил меня за руки, другой человек в очках сгреб Кита, и нас растащили. По дороге я постарался лягнуть его ногой. Я еще не закончил.

– Задница с ушами! – Кит вырвался из рук человека в очках, но остался на приличном расстоянии. Лицо у него было красное, как будто обгорело на солнце.

– Ну, он не соображает, – сказал мужчина, державший меня, – но ты-то ведь не такой. Отойди от него и все.

– Почему я-то? – Кит дернул подбородком в мою сторону. – Он первый начал! Ему все всегда делают поблажки.

Мужчина нагнулся ко мне и тихо проговорил:

– Если я тебя отпущу, ты будешь вести себя прилично?

Я кивнул и понял, что плачу, а все смотрят на меня, кроме Кита, Лейлы и мужчины в очках, которые отошли к дальней стене церкви. Державший меня мужчина отпустил мои руки, вынул из кармана белый лоскут материи и протянул мне. Я вытер им глаза. Только бы Лейла не видела моих слез! Мужчина был старый, с седыми волосами, стянутыми в конский хвост. Он держал меня за плечи и разглядывал так, словно я вещь, которую он собирается купить в лавке.

– С тобой все в порядке, Энди?

Не знаю, откуда он узнал мое имя. Я кивнул.

– Тебе надо вернуться назад, к Эмили. С Китом разберутся взрослые.

Он подтолкнул меня в направлении Эмили и заставил пройти несколько шагов, держа руку у меня на плече.

– Мы с ним разберемся, о-кей? – Он снял руку с моих плеч.

Я сказал «о-кей» и направился к Эмили, которая стояла у купели.

– Я думала, ты собираешься его убить! – сказала она.

Мы с Эмили два раза в неделю ходили в одни и те же специальные классы чтения и математики. Я знал ее почти всю свою жизнь, и она была моим лучшим другом. Про нее говорили, что она странно выглядит – у нее были белые волосы, и один глаз смотрел не на вас, а в сторону, и на губе был шрам от операции, но мне она казалась красивой. Мама говорила, что я смотрю на мир через призму любви. После мамы и Мэгги я больше всех любил Эмили. Но она не была моей девушкой. Разумеется, нет.

– Что сказала эта девочка? – спросила Эмили.

Я вытер глаза ладонью. Меня не волновало, что Эмили видит мои слезы. Она сто раз видела, как я плачу. Я сунул платок в карман и заметил, что ее красная футболка надета наизнанку. Она всегда носила одежду наизнанку, поскольку терпеть не могла, когда швы трутся о кожу. Еще она ненавидела, когда кто-нибудь к ней прикасался. Наша учительница никогда до нее не дотрагивалась, но однажды ее заменяла другая, и она положила руку на плечо Эмили. И Эмили временно помешалась. Она так рыдала, что ее даже стошнило на парту.

– Ты надела майку наизнанку, – сказал я.

– Знаю. Что сказала эта девица?

– Что ее зовут Лейла.

Я взглянул туда, где Лейла все еще разговаривала с мужчиной в очках. Кит ушел, и я пристально смотрел на Лейлу. От одного ее вида по телу разливалось какое-то непонятное ощущение. Это было похоже на то время, когда мне нужно было принимать лекарства от простуды, и я не мог заснуть ночью. Как будто внутри ползали какие-то микробы. Мама убеждала меня, что этого не может быть, но я-то знал.

– А еще что-нибудь она говорила?

Прежде чем я успел ответить, уши наполнили громкий гул и грохот, похожий на гром. Все остановились и оглянулись, как будто кто-то сказал: «Стоп-кадр!» Я подумал, может, это цунами, ведь мы находились так близко от берега. Я реально боюсь цунами. Как-то видел цунами по ТВ. Волна прямо глотала людей. Иногда я высовываюсь из окна своей спальни, смотрю на водную гладь, нет ли вдали огромной волны, которая может меня проглотить. Мне захотелось выбежать из церкви и помчаться прочь, но все стояли, не двигаясь.

Как будто заколдованные, запыленные церковные окна вспыхнули разноцветными огнями. Я увидел деву Марию, и младенца Иисуса, и ангелов, а также лысого мужчину в

длинной сутане, который держал в руке птицу. На всех лицах лежали разноцветные отблески, а в волосах Эмили сияла радуга.

– Пожар! – закричал кто-то на другом конце церкви, и сразу же несколько человек подхватили:

– Пожар, пожар!

Все пронзительно закричали и побежали мимо меня и Эмили, толкаясь и ударяясь о нас.

Огня я нигде не видел, поэтому мы с Эмили стояли на месте, получая толчки со всех сторон, и ждали какого-нибудь взрослого, который сказал бы, что надо делать. Я был уверен, что это не цунами. Эта мысль меня несколько успокоила, хотя чей-то локоть больно ткнул в бок, а кто-то другой наступил мне на ногу. Эмили прижалась к стене, чтобы никто из бегущих не мог дотронуться до нее. Я посмотрел туда, где совсем недавно Лейла разговаривала с женщиной в очках, но ее там не было.

– Двери заклинило от огня! – раздался чей-то крик.

Я посмотрел на Эмили.

– Где твоя мама? – Мне пришлось кричать, чтобы перекрыть шум.

Мать Эмили была одной из тех взрослых на локине, надеясь на присутствие которых мама отпустила меня в церковь.

– Не знаю. – Эмили стала грызть ногти, как делала всегда, когда нервничала.

– Перестань. – Я отвел ее руку от лица.

Внезапно я почувствовал запах гари и услышал потрескивание, похожее на то, когда на берегу жгли костер. Эмили указала рукой на потолок, где завитки дыма обвивали балки.

– Нам надо спрятаться! – проговорила она.

Я кивнул, хотя вспомнил, мама не раз говорила мне, что от огня спрятаться нельзя. Надо убегать. Дома под кроватью у меня лежала специальная лестница, по которой я мог спуститься из окна вниз. Но в церкви я никогда не видел ни одной такой лестницы.

Все дальнейшее происходило очень быстро. Мальчишки подняли одну из длинных церковных скамеек. На счет раз-два-три они подбежали к большому окну, на котором была изображена мозаика с лысым человеком в сутане. Скамья разбила изображение, расколов стекло на тысячу мелких осколков, и я увидел огонь, бушевавший снаружи. Я никогда не видел такого огромного огня. Как дикое чудовище, он ворвался через окно и одним мощным глотком заглотил мальчишек и длинную скамью. Мальчишки завопили и беспорядочно заметались, охваченные пламенем.

– Падайте и катайтесь по полу! – закричал я как можно громче.

Эмили удивленно уставилась на меня. Не думаю, что они меня слышали, но один остановился, упал на пол и стал кататься. Одежда на них все еще горела, и церковь наполнилась дымом, так что я уже не мог различить алтарь.

Эмили закашлялась.

– Мама! – прохрипела она.

Я тоже закашлялся. Я понял, что мы с Эмили в опасности. Ее матери нигде не было видно, а остальные взрослые вели себя не лучше детей – метались и вопили как резаные. Я изо всех сил попытался напрячь мозги. Мама всегда говорила, что в случае опасности надо использовать голову. А я впервые в жизни оказался в опасности.

Внезапно Эмили схватила меня за руку.

– Надо спрятаться, – повторила она.

Должно быть, она действительно была напугана, поскольку никогда раньше не хваталась за меня так.

Я знал, что она права, что нам нельзя прятаться, но уже начал гореть пол, и языки пламени приближались к нам.

– Думай! – громко проговорил я, хотя обращался к себе. Я даже стукнул себя по голове. – Эй, мозги, вы что, заснули?

Эмили прижалась лицом к моему плечу и заскулила, как щенок, а языки пламени выросли над нами, как лес из золотых деревьев.